

леніемъ рода человѣческаго на отдѣльные роды, группы и народности съ какими-то особыми правами, которыя будто бы попираются; и пока существуетъ это раздѣленіе, нѣтъ Царства Божія, и служители церкви, дѣло которыхъ именно въ созданіи Царства Божія, могутъ только печаловаться о томъ, что раздѣленіе на государства, на особыя народности все еще существуетъ, и ни въ какомъ случаѣ не способствовать закрѣпленію такой раздѣльности, — служители церкви должны направлять всѣ свои силы къ тому, чтобы не было ни іудея, ни еллина, чтобы было, наконецъ, *едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. X, 16). Такъ всегда и поступало наше русское православное духовенство. Печалуясь о всякихъ раздѣленіяхъ и нестроеніяхъ внутри русскаго народа, печалуясь за нарушителей внутренняго мира за подсудимыхъ, виновныхъ, какъ предъ властями, призванными самимъ народомъ, такъ и предъ властями монгольскими, во время ихъ ига, русское православное духовенство сдѣлало все возможное для собранія, умиротворенія, для объединенія сыновъ въ дѣлѣ отеческомъ и для этого именно создало, можно сказать, наше русское *самодержавіе*, или, вѣрнѣе, перенесло его къ намъ изъ Византіи по паденіи Константинополя, ибо сущность самодержавія заключается въ томъ-же служеніи, въ томъ-же дѣлѣ, которому служить и духовенство, т. е. въ собраніи и умиротвореніи, въ объединеніи сыновъ *въ дѣлю* и *для дѣла* отеческаго; а потому не можетъ духовенство и не поддерживать всѣми силами это свое созданіе. — «Самодержавіе есть хранитель нашего единства, и не русскаго только или славянскаго, а вообще единства человѣческаго рода, ибо самодержавіе стоитъ въ праотца—мѣсто. Въ первоначальномъ смыслѣ самодержавіе есть диктатура, вызванная опасностью не отъ другихъ себѣ подобныхъ людей, а отъ силы слѣпой, всѣмъ безъ исключенія грозящей смертью. Самодержавіе, — т. е. власть, въ отца—мѣсто стоящая, — явилось тотчасъ послѣ смерти перваго отца, соединивъ всѣхъ въ единой волѣ, въ единомъ желаніи, вызванномъ утратою, смертію, — самодержавіе было выраженіемъ вѣры въ животворящую силу и невѣріемъ въ окончательное торжество умершвляющей силы, было вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніемъ обязанности (т. е. вѣроу *), клятвою, обѣтомъ) быть орудіемъ силы животворящей и пользоваться умершвляющею силою (умершвляющею по своей лишь слѣпотѣ), какъ средствомъ оживленія» (стр. 375 Фил. Общ. Дѣла). „Самодержавіе предполагаетъ существованіе такого человѣка, который, будучи отвѣтственъ только предъ Богомъ и своею совѣстью, не нуждается для выполненія лежащаго на немъ долга въ какомъ-бы то ни было надзорѣ, ни въ надзорѣ со стороны выборныхъ отъ народа, ни въ обличеніяхъ гласности; и обязанность самодержца состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ, наконецъ, сдѣлать подобными себѣ, т. е. отвѣтственными лишь предъ Богомъ и своею совѣстью, способными жить безъ надзора и неспособными къ нарушенію долга, неспособными и оставить долгъ безъ исполненія»; т.

* Слово *вѣра* принимается здѣсь не въ новомъ, вышедшемъ учено-словномъ смыслѣ, т. е. не въ смыслъ какихъ-либо представленій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, при чемъ принятіе новой вѣры означало бы перемену лишь въ мысляхъ. Слово *вѣра* принимается здѣсь въ старомъ, народномъ смыслѣ, когда это слово значило клятвенное обѣщаніе, отсюда и *вѣроломный*, что и нынѣ значитъ — нарушитель клятвы, обѣта, а не *воля-подобный*.